

Цзун Цзы постепенно одарил собеседника слабой улыбкой, однако в глубине его глаз затаилось темное течение.

Стоит некоторым людям лишь раз встретиться взглядами, как они тут же осознают, кто перед ними. Прирожденные враги, обреченные на вечное противостояние.

Цзун Цзы был на редкость проницателен. Он почувствовал, что Тань Цзиньсюэ не питает к нему вражды, и даже заподозрил, что за силой и элегантностью этого человека скрывается нечто большее. Он всегда ценил таких хладнокровных, сдержанных и проницательных людей — только такой человек и достоин быть его соперником.

Людей в зале становилось все больше. Тань Цзиньсюэ и Цзун Цзы, стоявшие рядом, мгновенно превратились в эпицентр сплетен: многие шептались, пытаясь выяснить, что их связывает.

Заметив, что ведущий готовится выйти на сцену, Тань Цзиньсюэ перестал обращать внимание на Цзун Цзы и молча сел на свое место.

Он знал, что господин Цзун не уйдет.

Так и вышло: Цзун Цзы уселся рядом. Подошедший было актер, чье место по праву принадлежало этому ряду, застыл в неловкости. Он тоже был номинирован на лучшую мужскую роль, и хотя все прекрасно понимали, что он лишь создает массовку, возможность посидеть рядом с Тань Цзиньсюэ для начинающего актера была шансом, выпадающим раз в жизни.

Однако президент компании Синчэнь Энтертейнмент сейчас с самым невозмутимым видом занимал кресло с табличкой Юэ Вэньцзя, словно на ней было написано Цзун Цзы.

Такая важная персона заняла твое место, перекрыв доступ к общению с великим актером — что делать? Покорно уступить и упустить шанс или рискнуть навлечь на себя гнев, попросив важного гостя пересесть? Юэ Вэньцзя терзался сомнениями. Будь на месте Цзун Цзы кто-то другой, он бы не посмел перечить, но здесь случай особый.

Весь шоу-бизнес знал, что он фанатеет от Тань Цзиньсюэ.

Хотя звучит это немного двусмысленно, но таковы факты.

Киноимператор Тань Цзиньсюэ был кумиром Юэ Вэньцзя, его целью, его обожаемым божеством. Он всегда мечтал стать таким же актером, как Тань. Сегодня он наконец-то сам стал кандидатом на лучшую мужскую роль и получил шанс сидеть рядом с Тань Цзиньсюэ. Разве мог он так просто отказаться от этого места?

Он стиснул зубы:

— Господин Цзун, церемония награждения скоро начнется, вы не могли бы...

Цзун Цзы оставался невозмутим, словно гранитная скала. Он улыбнулся Юэ Вэньцзя:

— У меня есть пара вопросов к Цзиньсюэ. Господин Юэ, не могли бы вы занять другое место?
— он выглядел крайне искренним. — Прошу прощения.

Двигаться с места он явно не собирался.

Юэ Вэньцзя, с тоской глядя на расстояние менее десяти сантиметров между плечом Цзун Цзы и своим кумиром, излучал такое уныние, что даже Тань Цзиньсюэ стало неловко.

— Если будет время после церемонии, пообедаем вместе, — сказал он.

Глаза Юэ Вэньцзя мгновенно засияли. Не говоря ни слова, он пересел на другое место, расплывшись в счастливой улыбке.

Цзун Цзы не удержался от насмешливого хмыканья:

— Не думал, что у киноимператора Тань столько поклонников, что даже конкуренты готовы ради него на жертвы, лишь бы не уступить место.

Тань Цзиньсюэ спросил:

— Не подскажете, господин Цзун, что за неотложное дело заставило вас занять чужое кресло, чтобы поговорить со мной?

Цзун Цзы бросил на него взгляд и небрежно произнес:

— Я восхищаюсь вами, Тань Цзиньсюэ. — Он сделал паузу, словно не ожидая увидеть на лице собеседника слез благодарности. — Однако за то, что вы на меня подняли руку, я обязан отплатить. Надеюсь, вы не возражаете.

Тань Цзиньсюэ посмотрел на него как на умалишенного.

Неужели в высшем обществе теперь принято так разговаривать с теми, кто тебе не по душе? Здравствуй, в прошлый раз вы меня ударили, я очень зол. Но как президент я должен соблюдать приличия, поэтому символически признаю, что вы тоже хороши. Но я все еще не могу успокоиться, поэтому готовлюсь отомстить, только не удивляйтесь.

Возможно, смысл во взгляде Тань Цзиньсюэ был слишком очевиден, и улыбка Цзун Цзы перестала быть такой приветливой.

Он медленно произнес:

— Киноимператор Тань, вы готовы испытать мои методы?

Тань Цзиньсюэ не успел ответить на вызов, как заговорил ведущий на сцене:

— А теперь объявляем обладателя премии Золотое облако в номинации Лучшая мужская роль...

— А теперь объявляем обладателя премии Золотое облако в номинации Лучшая мужская роль... — ведущий нарочито растянул слова, создавая интригу. — Юэ Вэньцзя!

Он едва мог скрыть свое удивление.

Столь же поражен был и Юэ Вэньцзя, на которого внезапно свалилась такая удача, и все присутствующие в зале.

Фильм Муди уже получил две главные награды за музыку и монтаж, и Тань Цзиньсюэ, практически в одиночку вытянувший всю картину, должен был стать киноимператором — это казалось делом решенным. Кто бы мог подумать, что в последний момент произойдет такой поворот!

Зал погрузился в мертвую тишину. Опомнившиеся журналисты в панике принялись переписывать заранее подготовленные статьи, а реакция новоиспеченного киноимператора Юэ Вэньцзя была куда интереснее.

На его лице сменялись шок и замешательство. Он машинально обернулся к Тань Цзиньсюэ.

Тань Цзиньсюэ не сомневался, что через секунду этот парень примчится к нему с извинениями.

Поэтому он одарил Юэ Вэньцзя мягкой улыбкой и беззвучно прошептал:

— Иди за наградой.

Юэ Вэньцзя понял его. Глаза его загорелись, он успокоился, начал пожимать руки соседям и с достоинством поднялся на сцену.

Впервые в истории премия Золотое облако за лучшую мужскую роль не приковала к себе все объективы камер. Многих журналистов больше интересовала реакция Тань Цзиньсюэ, и некоторые даже направили камеры прямо на лицо этого элегантного человека.

Тань Цзиньсюэ же оставался равнодушен, на его лице застыло привычное холодное

выражение.

— Есть еще один человек, которого я хочу поблагодарить. Он всегда был моей целью, моим стимулом двигаться вперед... — голос Юэ Вэньцзя доносился со сцены.

Журналисты, конечно, понимали, о ком идет речь, и замерли в ожидании реакции Тань Цзиньсюэ.

Цзун Цзы нахмурился. Почему этот Юэ Вэньцзя такой наивный?

Он внезапно наклонился к самому уху Тань Цзиньсюэ:

— Похоже, ваш маленький фанат не сможет поужинать с вами сегодня. Может, выберете кого-то другого?

Теплый поток воздуха от дыхания мужчины коснулся уха Тань Цзиньсюэ. От легкого щекотания он непроизвольно отстранился.

— У меня нет привычки ужинать с соперниками в любви, это вредно для пищеварения, — добавил он. — Тем более, только что увидев ваши методы, мне, возможно, потребуется время, чтобы оплакать потерянную награду.

Хотя он не выглядел расстроенным или разгневанным — казалось, для Тань Цзиньсюэ эта премия была лишь приятным, но необязательным дополнением. С ней — блестящий успех, без нее — он все тот же холодный, гениальный киноимператор, прославившийся в юности.

Все такой же сияющий и непобедимый.

Это расстроило Цзун Цзы — он надеялся увидеть, как этот киноимператор потеряет самообладание.

Мужчина не удивился тому, что Тань Цзиньсюэ догадался о его вмешательстве в результаты премии, и даже не стал отрицать:

— Лу Лин — всего лишь актриса моей компании. Не знаю, что вы в ней нашли, кроме того, что она посмелее других. — Это было косвенным подтверждением того, что они не соперники?

Тань Цзиньсюэ промолчал, выражая всем своим видом: моя глубокая привязанность тебе не понятна.

Вероятно, интерес Цзун Цзы уже не был сосредоточен на Лу Лин, подсыпавшей ему наркотики. Пока взгляд главного босса и героя не прикован к главной героине, Тань Цзиньсюэ может спокойно заниматься своим канарейкой. То, что президент так быстро переключил внимание на него, Тань Цзиньсюэ одновременно удивило и порадовало.

Цзун Цзы, казалось, не обращал внимания на холодность Тань Цзиньсюэ и продолжал наклоняться к нему:

— Я знаю одну маленькую закусочную, где готовят отличный рис с яйцом.

Тань Цзиньсюэ замер. Любовь киноимператора к рису с яйцом не была секретом, но то, что об этом знает президент Синчэнь Энтертейнмент, черпающий информацию из желтой прессы, было удивительно.

Тань Цзиньсюэ, лучший агент Бюро Быстрых Перемещений, тоже любил рис с яйцом. Она всегда считала, что небольшие совпадения с характером персонажа — это хорошо, ведь так легче вжиться в роль, поэтому не стала менять эту деталь.

В глазах Цзун Цзы сверкнули искорки, словно он был уверен, что Тань Цзиньсюэ не откажет.

Честно говоря, она давно не ела рис с яйцом. Тань Цзиньсюэ на две секунды погрузился в мысли, а затем вежливо, но твердо отказал:

— Нет. У меня дела.

Цзун Цзы приподнял бровь. Ему показалось, что тон собеседника был резковат, словно он задел какую-то болезненную тему. Это его заинтриговало.

— ...Он — киноимператор в моем сердце, мой наставник Тань Цзиньсюэ.

Этот диалог заставил Тань Цзиньсюэ пропустить ту часть благодарственной речи Юэ Вэньцзя, где тот говорил о нем.

Как только Юэ Вэньцзя закончил, вспышки камер ослепили его. Он едва видел людей в зале и не мог разглядеть выражение лица своего кумира.

Шу Ихан, главный редактор Газеты Развлечения Диду, лично присутствовавший на церемонии, задумчиво рассматривал фотографии на дисплее камеры.

В кадре знаменитый киноимператор выглядел отчужденно и холодно, зато господин Цзун смотрел на того, кто был рядом, с такой нежностью, словно в глазах его мерцали звезды. Похоже, сегодня господин Тань потерял одну награду, но обрел высокопоставленного поклонника.

Слухи не лгут — киноимператор Тань Цзиньсюэ покоряет всех, независимо от пола.

После окончания церемонии новоиспеченного киноимператора Юэ Вэньцзя тут же окружила толпа журналистов. Микрофоны, чуть ли не тыкающиеся ему в лицо, раздражали. Он

рассеянно отвечал на вопросы, то и дело вытягивая шею, чтобы заглянуть за спины людей — не ушел ли его кумир? Ведь у них был запланирован ужин!

Толпа уже почти разошлась, а Тань Цзиньсюэ на месте не было. Юэ Вэньцзя охватило отчаяние. Стоявший позади агент громко кашлянул, заставив его опомниться. Он снова натянул улыбку для прессы, хотя на душе было беспокойно.

Неужели кумир на него обиделся?

Тань Цзиньсюэ шел по улице возле небоскреба Чэньхуэй, пытаясь поймать такси. Свет фонарей удлинял его тень на асфальте.

Киноимператор, в одиночестве идущий по пустой улице после церемонии — зрелище довольно жалкое.

Черный седан внезапно ускорился и пронесся мимо него, подняв вихрь ветра, от которого полы одежды киноимператора затрепетали. Не успев среагировать, Тань Цзиньсюэ наглотался выхлопных газов.

Он закашлялся, прищурился, поправил растрепавшуюся челку и, стоя под фонарем, неожиданно улыбнулся.

Этот властный президент, обладающий характером, не прощающим обид, оказался по-детски забавным.

Цзун Цзы посмотрел в зеркало заднего вида. Машина отъехала слишком далеко, он видел лишь, как человек под тусклым светом фонаря медленно отряхивает полы пиджака, и, кажется, в его глазах светилась улыбка.

Станный человек.

Он внезапно почувствовал, что теряет контроль над ситуацией.

В гостиной виллы горел только торшер. Привыкнув к полумраку, Тань Цзиньсюэ сменил обувь и вошел в дом.

Лу Лин сидела на диване, поджав ноги, укрывшись тонким пледом. Свет экрана телефона освещал ее лицо. Тань Цзиньсюэ прищурился:

— Что случилось?

Лу Лин, казалось, только сейчас заметила присутствие Тань Цзиньсюэ. Она вздрогнула и

перевернула телефон экраном вниз. Она выглядела растерянной, понимая, что ее реакция была слишком заметной, чтобы скрыть ее от Тань Цзиньсюэ.

Тань Цзиньсюэ улыбнулся:

— Не переживай.

Лу Лин подняла голову, и вопрос сорвался с ее губ почти машинально:

— Откуда ты знаешь?

Тань Цзиньсюэ сел рядом. Лу Лин почувствовала, как он слегка расслабился.

Сегодняшний вечер был долгим и утомительным. Лу Лин уже видела в соцсетях видео с церемонии и тысячи комментариев. Спокойное, лишенное эмоций лицо Тань Цзиньсюэ в момент объявления Юэ Вэньцзя победителем уже превратили в гифку, которая разлетелась по всему интернету.

Интерпретаций было множество, но самая популярная гласила, что киноимператор Тань Цзиньсюэ потерял репутацию и награду из-за связи с актрисой фильмов для взрослых Лу Лин.

Лу Лин думала, что, научившись идти по головам ради успеха, она не обратит внимания на эти сплетни, но весь вечер просидела, глядя в экран, и с каждой минутой на душе становилось все тяжелее.

Тань Цзиньсюэ обещал помочь ей честно завоевать титул кинодивы, а теперь сам лишился заслуженной награды из-за нее.

Жестокость реальности Лу Лин знала давно, но теперь, видя, как эта ненавистная реальность пытается сломить Тань Цзиньсюэ, ее сердце наполнилось гневом. Она даже не заметила, как за несколько дней этот человек занял столь важное место в ее жизни.

Лу Лин резко подняла голову. Она смотрела прямо в глаза Тань Цзиньсюэ, впервые за долгое время чувствуя в себе бесстрашие.

— Я пойду и все скажу! Я объясню им правду!

Глубокие темные глаза мужчины сфокусировались на ней, в них промелькнула нежность. Он сказал:

— Спасибо.

— Но я не хочу, чтобы ты ради этого причиняла вред себе, — голос Тань Цзиньсюэ оставался

холодным и спокойным, разносясь по тихой комнате. — Кому бы ты ни объясняла, слушатели не дадут тебе того отклика, которого ты ждешь. Твои страдания и борьба в их глазах ничего не стоят.

— Объяснения бессмысленны, — добавил он.

В носу Лу Лин защипало. Да, она понимала это. Разве она не пыталась оправдываться, становясь посмешищем? Но Тань Цзиньсюэ не должен был через это проходить. Этот холодный, властный, но на самом деле такой нежный мужчина не должен быть запятнан людской грязью.

Обида — за Тань Цзиньсюэ и за саму себя — становилась все сильнее, и глаза Лу Лин застлала пелена слез.

Тань Цзиньсюэ произнес:

— Разве я не знаю, насколько коварны людские сердца?

Лу Лин посмотрела на него, но из-за слез не могла разглядеть выражения его лица.

Мужчина тихо рассмеялся:

— Ты думаешь, я стал киноимператором, пройдя легкий путь?

Лу Лин вдруг вспомнила: Тань Цзиньсюэ тоже подвергался нападкам и критике. Кто-то из-за его утонченной внешности распускал слухи о том, что его содержат, называли его продажным, женоподобным — эти мерзкие ярлыки не за один день удалось содрать.

Тань Цзиньсюэ спокойно продолжил:

— Роман с актрисой фильмов для взрослых — это мой выбор, и я несу за него ответственность.
— В полумраке голос мужчины звучал приглушенно и мягко. — Раз уж ты решила связать свою судьбу со мной, я стану твоей опорой. Если бы гора рухнула от пары слов прохожих, разве стоило бы доверять такой горе?

Сказано это было довольно дерзко, но в сочетании с привычным холодным тоном мужчины это почему-то принесло ей покой.

Лу Лин моргнула и наконец улыбнулась:

— Если я стану кинодивой, я буду достойна тебя?

Тань Цзиньсюэ щелкнул ее по лбу:

— Титул кинодивы нужен, чтобы ты была достойна самой себя.

Тань Цзиньсюэ отправил Лу Лин спать. В пушистых тапочках она поднялась по деревянной лестнице и обернулась. Мужчина все еще сидел в тени дивана — лишь четкий, молчаливый силуэт, похожий на гору. Надежную, незыблемую гору, которая никогда не рухнет.

А свет был таким мягким.

Лу Лин, долго сдерживавшая слезы, позволила им скатиться по щекам.

Уровень симпатии главной героини Лу Лин: 90.

На следующее утро Лу Лин разбудил звонок агента.

— Ты прошла прослушивание в Красное! Съемки начинаются сегодня, собирайся быстрее, я пришлю машину! — голос агента в трубке дрожал от восторга.

У Лу Лин давно не было серьезных предложений. Агент почти махнул на нее рукой, считая «запятнанную» репутацией актрису безнадежной, и сосредоточился на молодых талантах. Кто бы мог подумать, что сегодня придет уведомление: режиссер исторической драмы, на пробы в которую Лу Лин пошла ради интереса, выбрал именно ее!

Оригинал Красного был номинирован на престижную мировую литературную премию, а экранизация привлекла огромное внимание. Режиссер Чжань Ханьцю был гарантом качества.

Ощущение, будто на голову свалился подарок судьбы, было нереальным. Агент, продолжая говорить по телефону, расплылся в улыбке до ушей.

— Я больше не живу в квартире в Дунчэне... — сказала Лу Лин и продиктовала новый адрес.

Агент на том конце провода ахнул.

— Ты... ты правда живешь с Тань Цзиньсюэ?

Лу Лин молча повесила трубку.

Съемочная площадка сериала Красное. Лу Лин вышла из машины и задрожала от холода.

Был конец декабря, съемки проходили у замерзшего озера, и даже ветер казался ледяным. Лу Лин, у которой от холода болели щеки, побежала к временному навесу. Земля была неровной, а на десятисантиметровых каблуках она оступилась и едва не упала.

— Осторожнее, — раздался голос, и чья-то длинная рука уверенно подхватила ее.

— Ты... что ты здесь делаешь? — вырвалось у Лу Лин.

Тань Цзиньсюэ слегка улыбнулся:

— Сегодня у нас общая сцена.

Лу Лин опомнилась и осмотрела его. Тань Цзиньсюэ был в костюме: рваная одежда, грязные черные брюки, подпоясанные темным кушаком — типичный облик бедного рабочего.

Даже в этом наряде он сохранял свою статную осанку, выглядя при этом куда более небрежно и свободно, чем в своем обычном строгом костюме-тройке.

Лу Лин удивилась:

— Кого ты играешь?

Она читала сценарий: главный герой — богатый наследник, вернувшийся из-за границы, второй главный герой — сельский учитель. Ни один образ не подходил под нынешний вид Тань Цзиньсюэ.

На ее взгляд, даже роль второго плана была унижительна для его статуса и таланта.

— Я играю твоего кучера, госпожа Лу, — в голосе Тань Цзиньсюэ послышалась редкая насмешка. На его лице еще не было грима, и улыбка выглядела очень красиво.

<http://bllate.org/book/19094/1875257>